

следующую интерпретацию данному примеру: «“Смуглая” – какой-то внешний признак людей темпераментных, горячих, может быть, потому, что это ассоциируется с южным темпераментом» [4. С. 37]. Возможно, это и так, тем более если учесть тот факт, что *смуглый* не только ассоциативно, но и этимологически связано с *огнем, дымом*.

Схожую с зевгмой функцию в текстах Достоевского выполняет, по всей видимости, и оксюморон (сочетание семантически контрастных слов, создающее неожиданное смысловое единство), вообще случаи семантического несогласования: «[Мечтатель о Матрене] Это была еще бодрая, *молодая старуха...*» [Белые ночи. Т. 2. С. 140]; «Вот почему Семен Иванович, *будучи умным* человеком, *говорил* иногда страшный *вздор*» [Господин Прохарчин. Т. 1. С. 253]; «[Ростанев Сереже о Половицкой] «ты, главное, на сердце смотри – *пожилая девушка*» [Село Степанчиково и его обитатели. Т. 3. С. 38]»; «[Аркадий Версилкову] «я знаю, что вы часто *видите насквозь*, хотя в других случаях *не дальше куриного носа*, – и удивлялся вашей способности проникать» [Подросток. Т. 13. С. 89]. Отметим, что семантическое несогласование и оксюморон часто являются основой для создания иронии.

Другим, не менее частотным, чем зевгма и оксюморон, стилистическим приемом, который использует Достоевский для создания комического эффекта, следует считать каламбур. Этот прием характерен не только для стиля Достоевского, но и для других писателей XIX века, например, Н.С. Лескова и М.Е. Салтыкова-Щедрина. В этой любви к каламбурам, по всей видимости, отражается влияние публицистического стиля, той литературной, а часто и далекой от литературы борьбы между разными общественно-политическими направлениями и разными представителями этих направлений, которую мы видим, в частности, в литературных журналах, борьбы, непременно предполагающей высмеивание друг друга, подчас очень недоброе. Приведем некоторые примеры использования Достоевским каламбура, создаваемого посредством повтора однокоренных или близких по звучанию, но не всегда по значению, слов. В публицистике: «Почтенный профессор, должно быть, *большой насмешник*. Ну, а если он это наивно, не *в насмешку*, то, стало быть, обратное: *большой не насмешник...*» [Дневник писателя. Т. 22. С. 132]. В художественной прозе: «Впрочем, господин Голядкин это только *подумал*; зато *одумался* вовремя» [Двойник. Т. 1. С. 151]; «Боже! я никогда не был в таком *унизительном* положении! (...) Да, *ниже* лежать нельзя» [Чужая жена и муж под кроватью. Т. 2. С. 67]; «Порой мне, право, казалось, что всё это какой-то *чудовищный* сон, тем более что и дело-то шло о *чудовище...*» [Крокодил. С. 193]; «Компания была чрезвычайно *разнообразная* и отличалась не только *разнообразием*, но и *безобразием*» [Идиот. Т. 8. С. 95]; «Раз, много лет уже тому назад, говорю одному *влиятельному* даже лицу: “Ваша супруга *щекот-*

№. 89405

